

Николай Златовратский

Красный куст



Николай Златовратский

Красный куст

«Public Domain»

1911

Златовратский Н. Н.

Красный куст / Н. Н. Златовратский — «Public Domain», 1911

«В предлагаемой статье я хотел бы коснуться того круга явлений деревенских будней, которые сосредоточиваются около так называемого «межевого столба». Круг этот, надо сказать, очень широк и захватывает чрезвычайно сложную и разнообразную группу деревенских интересов, а между тем нельзя не признать, что в представлении общества этот деревенский межевой столб или «яма» являются далеко не в том свете и не с тем значением, каково оно в действительности...»

© Златовратский Н. Н., 1911

© Public Domain, 1911

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Николаевич Златовратский

Красный куст¹

Из истории межобщинных отношений

* * *

В предлагаемой статье я хотел бы коснуться того круга явлений деревенских будней, которые сосредотачиваются около так называемого «межевого столба». Круг этот, надо сказать, очень широк и захватывает чрезвычайно сложную и разнообразную группу деревенских интересов, а между тем нельзя не признать, что в представлении общества этот деревенский межевой столб или «яма» являются далеко не в том свете и не с тем значением, каково оно в действительности. Всякому из нас, городских жителей, отправляющихся летом на «дачи», в лоно деревенской природы, случалось, конечно, в своих прогулках набредать на заросшие бурьяном с плесневелой водой и целым царством лягушек на дне неглубокие ямы, на подгнивший, покосившийся серый деревянный столб с выжженным сбоку черным пятном, уныло согнувшийся набок с краю этой ямы. Вряд ли, однако, многим из нас приходило в голову при виде этого заброшенного в какую-нибудь недоступную дебрь столба, сколько волнений, хлопот, разрушенных надежд, горя, слез и «животишек» стоит он местному крестьянскому населению. Вряд ли в вашем воображении встанет эта печальная трагическая картина, средоточием которой служит межевой столб, если вы человек деревне посторонний. Но если вас сопровождает один из местных старожилов и если вы с ним наткнетесь на такой столб, будьте уверены, что пока вы, пользуясь этим столбом, успеете закурить папиросу, он не преминет вам сообщить, полудобродушно, полуиронически, какую-нибудь любопытную историю, связанную с этим столбом...

– Вот он, вишь ты, столбик-то, подгнил уж, – начнет он, покачивая столб за макушку, – штучка невелика, всего одно полено, а тоже, я тебе скажу, друг любезный, немало в его, проклятого, достатков вложено... и горя было и слез... и всего... В остроге тоже отсиживались немало... Деньгу эту самую со всех деревень шляпами таскали...

– Как же так? – невольно спрашиваете вы, и в ответ вам начинается одна из тех длинных историй о «недоразумениях», которые в недавнее время такой сплошной полосой тянулись через крестьянскую жизнь.

Не успеет еще ваш проводник кончить этой истории, как уже вы натываетесь на другой столб и невольно приостанавливаетесь у него.

– Вот тоже, – прерывает себя ваш спутник, – столбик-то... В церкви стояли, крест целовали, присягу присягали, а две головы сахару да три фунта чаю – и вернул на кривую!..

Да, ни много, ни мало, по любовному, значит, размежеванию пять десятинок у нас лугу-то и отдернул.

Вы спешите дальше, спешите, может быть, насладиться прекрасным видом волнующихся золотистых колосьев или отливающих изумрудом лугов, а уж в ваших ушах опять звучит: «Вот столбик-то... Присягу присягали, крест целовали, а два фунта чаю да три головы сахару...»

Но вы уже знаете, что будет дальше, и бежите в сторону от этого, не замеченного вами, столба. Вот наконец вы на опушке леса. Благодатная тень с сыроватым запахом елей охватывает вас. Вы присели в этой тени, опустили ноги в неглубокую ложбинку, всю обросшую душистым зверобоем. Впереди плещется река и играет золотой рябью в солнечных лучах. Вы только что забылись от этой бесконечной, монотонно печальной истории «греха», слез, «животишек», как вдруг замечаете, что ваш спутник, что-то шепча, внимательно разыскивает, всматривается в

окружающую местность и что-то припоминает. Он то присядет, то, вытянув голову и шею, поднимется на колена, то встанет, отойдет в сторону, оглянется кругом и все что-то шепчет...

– Ну, так, здесь... Это верно, что здесь, – вдруг говорит он вслух и неожиданно начинает рыться в ложбине у вас под ногами.

– Вот!.. Нашел, как есть!.. Я помню, как не вспомнить!.. То-то, смотрю, как будто столбу надо быть... А вот, вишь, столб-то стащили... А яма-то позаросла. Ну, да я помню... Вот, гляди, вишь, вот и уголь и камни тут... ушупал как раз!.. Как не вспомнить!..

– Ну и что ж: опять – две головы сахару, три фунта чаю? – раздраженно спрашиваете вы.

– Как быть!.. И присягу присягали, и крест целовали... А замест того...

– Знаю, знаю! – говорите вы и лихорадочно спешите высвободить свои ноги из «ямы» и уйти, убежать хоть куда-нибудь от этих нескончаемых «двух голов сахару и трех фунтов чаю»... Но напрасно: эти стереотипные «2 головы сахару и три фунта чаю», выражающие собой стоимость целой «уймы» мужицкого горя, слез и животишек, уже плотно оседают в вашей голове; они преследуют вас всюду, где только нога ваша случайно переступает какую-нибудь границу, межу. С этих пор, есть ли при вас старожилый спутник или нет, всё одно: вам достаточно натолкнуться на такой столб или наткнуться на заросшую бурьяном яму, чтобы в вашем воображении моментально явились «две головы сахару и три фунта чаю».

Говорят, что в стародавние времена существовал обычай во время размежевания брать на межу детей и задавать им при каждой выкапываемой яме внушительную порку, чтобы, так сказать, навеки запечатлеть в их душе и на известных частях тела границы их и чужой собственности. Этот обычай исчез давно, и совершенно основательно, ибо «две головы сахару и три фунта чаю», перевешивающие целую уйму мужицкого горя, слез, молений и животишек, много чувствительнее березовой каши.

Но – это между прочим. Нас не столько интересует здесь маленький человечек, вечно пьяный, нахальный, обремененный семейством и вечно нуждающийся землемер недавно прошедшего времени, который за две головы сахару был готов отхватить у мужиков и мужицкого потомства столько удобных земель, сколько это допускало их невежество в землемерных операциях, и не самые эти «операции», в большинстве случаев всем уже известные и приконченные, сколько интересует другая, современная сторона явлений деревенских будней, обуславливаемая этим межевым столбом.

Невозвратно, читатель, канули в вечность те блаженные времена, когда жила знаменитая бабушка Ненила. Понятно, что в те времена, когда эта бабушка Ненила со своей родной деревней, у которой «лихоимец жадный косячок изрядный оттягал, отрезал плутовским манером», все свои упования формулировала в словах:

Вот приедет барин: будет землемер!

Скажет барин слово —

И землю нашу отдадут нам снова.

когда все эти упования сосредоточивались на «барине» – и «межевой столб» далеко не играл такой выдающейся роли в уме и душе крестьянина, какую занял он впоследствии. То было время «господское»: и сама Ненила была господская, и дело было господское. Но вот умерла Ненила, и с нею умерли ее «упования». Вместо Ненилы выступили другие фигуры, и ее «упования» должны были принять другую форму. Мужик уполномочен был «уповать» на самого себя, за собственный страх и риск. Но так как крепостной мужик никогда самого себя не знал и собственной воли не имел, то и уповать на себя не мог. А ведь без упования как же жить? И вот наступил период, когда мужик крепко уверовал в какую-то отвлеченную «правду и милость», которые будто бы должны были неуклонно бдеть над ним и не оставить его на конечное разорение. Новая бабушка Ненила свои упования формулировала

уже несколько иначе: когда интересы этой бабушки Ненилы с «легкой совестью» разменивались на «две головы сахару и три фунта чаю», она навязывала на спину котомку и, направляясь куда-то, в никогда не виданную ей страну, вместе с «ходочками», говорила: «Да неужто же правды на земле нет? Есть правда, есть... Как не быть правде на земле!.. Только бы дойти *до нее, матушки*, а уж она, правда-то, свое возьмет, милость окажет»... И пока вторая бабушка Ненила ходила за поисками «правды», история с «тремя головами сахару» принимала истинные грандиозные размеры, а ее детки и внучки уже начинали подумывать о том, как бы с упованиями второй бабушки Ненилы не случилось того же, что с упованиями первой. А раз запало в душу такое сомнение, все более и более подтверждавшееся тем, что ни бабушка Ненила, ни «правда и милость» вслед за ней что-то давно в деревню не заявлялись, оказывалась уже настоятельная надобность придумать какое-нибудь новое упование. И что мудреного, если упование на «правду и милость» сменится, в свою очередь, упованием на всемогущие «две головы сахару»?.. Только новое это упование требует для своей реализации кое-чего более реального, чем одна «вера»; чтобы наилучшим образом утилизировать всемогущий принцип, выраженный в формуле: «две головы сахару, три фунта чаю», требуется, конечно, прежде всего иметь эти «две головы» в своих руках, а для этого нужно «*познать*» самого себя и суть окружающих условий... В каком направлении пойдет это «познание» и каков будет его конечный результат, мы доподлинно сказать теперь не можем, ибо это «познание» трудно поддается обобщениям и не втискивается целиком в готовые шаблонные категории. Несомненно, впрочем, одно, что бабушка Ненила этого третьего, нового, «познавательного», так сказать, периода – будет далеко не так формулировать свои упования, как формулировали их ее родительница и пра-родительница.

Подсмотреть и анализировать трудный, совершаемый под давлением бесконечного ряда внешних условий процесс выработки народного «познавания» представляется работой многообещающей, так как только этим путем можно и самому интеллигентному человеку подслушать биение пульса народной жизни, подсмотреть святую святых ее души... Работа эта так широка и многообъемлюща, что мы, конечно, и в виду не имеем касаться ее во всем объеме. Как выше сказано, мы ограничимся здесь только теми явлениями, которые сосредоточены около «межевого столба». Но из обширного ряда этих явлений (ведь под символом «межевого столба» разумеется целая область земельных отношений, охватывающих собой 9/10 всех крестьянских интересов) мы исключим, во-первых, те, которые благополучно или неблагополучно достигли вождельного «предела» в форме разных «уставных грамот»² и «владенных записей», как актов размежевания между помещиками и казной, с одной стороны, и крестьянами – с другой; во-вторых, те, которые заявляют себя в форме «передвижений» земельной собственности из рук «барства» в руки «коммерческие»; этот последний процесс если и не завершен еще, то все же более или менее читателям знаком. Но есть еще область явлений, народившаяся сравнительно недавно и, может быть, поэтому мало или почти вовсе не обращавшая на себя должного внимания. Это передвижение земельной собственности уже не между общиной и единоличным собственником (казной, помещиком, купцом), а между самими общинами, то есть здесь ставится вопрос о межобщинных отношениях. Вопрос этот вообще мало разработан в нашей литературе, потому ли, что нас теперь интересует больше вопрос о количестве в руках общин самой этой собственности, чем вопрос об ее передвижении меж общинами и распределении, или потому, что мы обращали больше внимания на распределение собственности внутри самой общины, чем вне ее. Во всяком случае, вопрос этот заслуживает большего

² *Уставная грамота 1861* – документ, который устанавливал размер надела временнообязанных крестьян по «Положениям» 19 февраля 1861 г. и повинностей за пользование им; содержала сведения о разверстании угодий, перенесении усадеб и т. п. Составлялась в ходе крестьянской реформы 1861 года помещиком и вводилась в действие мировым посредником; в случае отказа крестьян могла утверждаться и без их согласия.

внимания, чем это было до сих пор. В последнее время мне пришлось познакомиться с некоторыми фактами из этой области, которые и хотелось бы передать читателю.

Наблюдения нынешнего лета, как и значительная часть предшествовавших моих наблюдений, относятся к Владимирской губернии, и именно до центральных ее уездов. Признаться сказать, я неравнодушен к этой губернии. Впрочем, не по чувству узкого «землячества» и не по каким-либо особым красотам ее природы или душевным доблестям ее обитателей. Нет, просто по обширности и глубине той сферы, какую она представляет для наблюдений над народной «душой». Меня влечет к себе ее вечно деятельный, вечно подвижной, вечно ищущий «где лучше» сын народа, «этот истый великоросс-колонизатор». Обитатель умеренного климата и умеренной почвы, он избежал крайности поэтически-созерцательной лени малоросса и апатической косности своего северного или белорусского собрата, убитого и приниженного непосильной борьбой со стихийными силами природы и истории. Крайнее разнообразие исторических воздействий, которым подвергался обитатель Центральной России и из которых между тем ни одно не было настолько преобладающим, чтобы наложить свою обезличивающую печать и окончательно подчинить личность своему влиянию, – выработало в этом обитателе известную степень самостоятельности и придало населению этих местностей замечательное разнообразие типов. Здесь вы, сравнительно на небольшом районе, встретите всевозможные типы населений, выработавшиеся под разнообразными историческими воздействиями; здесь целы «барские села», прожившие век под тяжелой «барщиной» – то со смирным, пришибленным и убитым населением, то с буйным, пьяным, воровским; там огромные волости казенных крестьян и оброчных, с преобладающим развитием типа «хозяйственного» мужика, бойкого, здоровомыслящего и оборотистого, обходившего из конца в конец всю Россию, побывавшего во всех больших городах, видевшего всю прелесть цивилизации. Не успели вы сделать несколько десятков верст, как уже перед вами фабричные села с разнообразнейшим населением «кустарей», и только перевалитесь вы отсюда за реку, перед вами стоит истый, исконный землепашец, негодующий на заречные «негодные порядки» и распутство. Вот какая обширная область открывается для наблюдения. Несомненно, здесь наблюдение труднее: разобраться в этом разнообразии представляется не легким; но зато здесь перед вами целая коллекция с драгоценными экземплярами, из которых воочию вы можете проследить всю вековую и страдальческую историю народа; вы можете проследить непрерывную цепь исторических наслоений, ибо здесь еще живыми сохранились такие формы социальных отношений, которые вы считали давно вымершими, и на ваших же глазах зарождаются социальные комбинации, о которых вы и не слыхивали еще и возможность которых даже не предполагали. Здесь встретите в одном и том же месте и редкие экземпляры «барской» бабушки Ненилы, глухой и слепой, полузабытой и загнанной на печь, которая неудачи своих упований на барский гнев и барскую любовь изливает в беззубом брюзжанье на «вольные порядки»; здесь же увидите широко распространенный тип всеуповающей, всеверующей в «правду и милость» новой «порекорформенной» бабки Ненилы, которая упорно ждет «поравнений» – «общих переделов», долженствующих неотложно засвидетельствовать собою присутствие на земле «правды»; но уже вместе с этим типом романтика вы замечаете, как быстро нарастает другой тип народных скептиков и позитивистов. Таковы основные типы, резко бросающиеся в глаза; но между ними существует целый ряд второстепенных градаций: индифферентистов, озлобленных, «жадных», вольницы, с одной стороны, и подвижников-ригористов – с другой, и т. п. Можете себе представить, каково должно быть здесь разнообразие социальных бытовых форм! И при всем том нигде так крепко не держатся и не преобладают общинные формы, как здесь. Часто мне приходилось слышать такие соображения: «Напрасно, – говорили мне, – вы выбрали для изучения общинных устоев такое исковерканное, изломанное всевозможными влияниями, разношерстное население кулаков и лодырей всякого рода. Какие там „устои“! Вот если бы вы направили свои наблюдения на север, в лесные недоступные дебри, где, по всем вероятностям, общинный тип уцелел в неприкосновен-

ной чистоте», и т. д. . . Однако ж я держусь относительно этого иных взглядов. Меня интересуют не столько вымирающие, архаические формы общины (хотя, может быть, они и отличаются первобытной неприкосновенной чистотой), сколько именно «современная» община данной минуты, живая, борющаяся за существование, брошенная в водоворот всевозможных и разнообразных воздействий и влияний. Только здесь, при этом разнообразии центральных великорусских типов, можно по справедливости оценить, насколько общинные традиции упорно держатся в народном сознании, насколько община живуча и до какой степени она эластична и жизненна; только здесь можно проследить весь тот ряд бесчисленных приспособлений и компромиссов, при помощи которых народное творчество силилось и силится удержать при себе излюбленную традиционную форму быта. Но здесь же, одновременно, вы можете проследить и весь процесс ее разложения, и все шансы, способствующие ему . . .

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.